

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

•
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

•
ГРАММАТИКА
(РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Материалы секций
XLI Международной филологической конференции

*26–31 марта 2012 г.,
Санкт-Петербург*

Ответственные редакторы:

«История русского языка и культурная память народа»:

д-р филол. наук, проф. **О. А. Черепанова**,

«Историческая лексикология и лексикография русского языка»:

д-р филол. наук, проф. **Е. И. Зиновьева**,

«Грамматика (Русско-славянский цикл)»:

д-р филол. наук, проф. **Г. Н. Акимова**

История русского языка и культурная память народа / Отв. ред. И90 О. А. Черепанова; **Историческая лексикология и лексикография русского языка** / Отв. ред. Е. И. Зиновьева; **Грамматика (Русско-славянский цикл)** / Отв. ред. Г. Н. Акимова: Материалы секций XLI Международной филологической конференции, 26–31 марта 2012 г., С.-Петербург — СПб., 2012. — 156 с.

ISBN 978-5-8465-1303-7

ББК 81.2

М. С. Шишков
Санкт-Петербургский государственный университет

«ДУРАК СТЫДУ НЕ ЗНАЕТ»
Об одном словообразовательном гнезде
в русском языке XVI–XVII вв.*

Дурак — это и один из узнаваемых фольклорных эпитетов, и концепт, считающийся сегодня одним из доминантных в русской языковой картине мира. Но историческое рассмотрение данного слова и понятия показывает его непростую судьбу в русском языке.

Народное бытование слов — представителей гнезда с корнем *-дур-* не позволяет в полной мере проследить путь их исторического развития. Этимологические словари дают скудную информацию. У М. Фасмера слово *дурак* в интересующем нас значении не представлено (только диалектное значение ‘тыква’ [Фасм., т. 1, с. 554]), но есть прилагательное *дурной*, которое сближается с литовскими, древнепрussкими и греческими словами [Фасм., т. 1, с. 555]. О них мы скажем далее. Историко-этимологический словарь П. Я. Черных отмечает, что происхождение корня *-дур-* неясно, а слово *дурак* появляется в прозвищах с XV в., затем с XVII в. начинает использоваться как нарицательное существительное [Черн., т. 1, с. 274–275].

Данные картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» [СлОРЯ XVI–XVII] позволяют немного расширить нижнюю границу бытования и нарицательных имен: *дурак* встречается в «Домострое» [Дм.] и в послании Ивана Грозного 1573 г. [Посл. Ив. Грозного], *дурень* и *дурава* — Словаре Московитов XVI в. [Московит.], *дурно*, м. — в «Домострое» [Дм.]; кроме того, прилагательное *дуровской* также зафиксировано в XVI в. в делах Тайного приказа [ДТП, 1585 г.].

Словообразовательное гнездо достаточно велико: состоит из 18 лексем разных частей речи (имена существительные и прилагательные, наречие и глаголы). Однако их распределение по источникам неоднородно.

Рассмотрим семантику нескольких основных представителей гнезда и попытаемся определить закономерности ее развития, а также понять место и роль этого понятия в языковой картине мира Московской Руси.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

Прилагательное *дурной* представлено в картотеке в 5 значениях: 1) ‘плохой’; 2) ‘глупый, бестолковый’; 3) ‘преступный’; 4) ‘некрасивый’; 5) ‘(о теле) в крайне плохом физическом состоянии’.

Наиболее общее значение — ‘плохой’ — встречается чаще всего в сочетаниях *дурное дело, умышление, дурной обычай*:

<...> вѣдая его что онъ пьяница, или шаленой, или иной какой *дурной обычай* за нимъ вѣдаетъ, и тѣмъ людемъ откажетъ [Котошихин, с. 124, 1667 г.];

<...> всякое *дурное дѣло*, и *слово* слышевь или видѣвъ, то бы отнюдь не именовалось [Дм., с. 44, XVI в.].

Здесь обычно речь идет о моральной оценке.

Значение ‘глупый, бестолковый’ представлено, например, в «Домострое»:

<...> и з *дурными рѣчми* к гедрни не приходили [Дм., с. 35, XVI в.].

Интересно третье значение, которые мы находим и в глаголах этого гнезда, — ‘преступный’:

[Н. Савостьянов] знатно держал в мысли и чая всякого *дурного промыслу* от воровских данских казаков [РД, т. 2, кн. 2, с. 63, 1670 г.].

В этом значении частотно устойчивое сочетание *промышлять дурным делом*:

[Государевым служивым людем] и вином и всяким заповедным товаром не торговат и карчмы не держат и никаким *дурным дѣлом* не промышлят [Моск. письм., с. 330, 1649 г.].

Значение ‘некрасивый’ встречается редко:

<...> и будеть той смотрилщицѣ та невѣста не полюбитца, и она <...> присмотрить еѣ, что она глупа, или на лицо *дурна*, или на очи не добра [Котошихин, с. 124, 1667 г.].

Последнее значение появляется в сочинениях протопопы Аввакума:

<...> ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека, — плоть та у него вся смрад и зело *дурна*, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит [Авв. Ж., с. 143, 1672 г.].

Видим, что интегральная сема — ‘плохой’: плохой вообще, с точки зрения умственных качеств, по отношению к закону и нормам, с точки зрения внешнего вида и физических свойств.

Эта сема представлена и в существительном *дурно* ‘что-либо плохое’ в обобщенном виде:

А будучи ему цѣловалнику [Феткѣ Иванову] у того таможенного сбору, не пить, и не бражничать, и ни за какимъ *дурномъ* не ходить и воровскими людьми не знатца [А. Ивер. м., с. 729, 1668 г.];

А живот наш онъ взял к себѣ на руки что ему было беречи ото всяког *дурна* [Арх. Пожарских, с. 127, 1647 г.].

В ряде случаев ‘плохое’ контекстуально ограничивается запрещенными, противоправными действиями:

<...> стрелецкими женами тое стрелецкую жену Ониску они знают ли воровства и всяково *дурна* и блядни и ведовства за нею [Онискою] [МДБП, с. 259, 1642–43 г.].

Дальнейшее развитие этой семантической линии представлено в слове *дуредь* ‘продукты воспалительного процесса, гной; грязь’:

<...> воскъ добро к ранѣ класти колобком толсто, *дуредь* всю из раны высает гной, да и живит [Леч. Щук., л. 28г, к. XVII — н. XVIII в.].

Это значение находит отражение и в современных диалектах: *дуреть*, *дурность*, *дурость* и *дурь* ‘гниль’ [СРНГ, вып. 8, с. 266, 271–273].

Возвращаясь к данным этимологического словаря М. Фасмера, обнаружим родственные слова к прилагательному *дурной*, но обладающие другим интегральным признаком: например, лит. *su padūrmi* ‘бурно, стремительно’, др.-прус. *dūrai* ‘боязливо’, ѳоѳрос ‘стремительный, напористый’ [Фасм., т. 1, с. 555].

Эти семы оказываются представленными в глаголах.

Дуровать — ‘совершать противоправные действия’:

<...> а хто учнет вперед *дуровать*, тем наказанье жестокое чинить [РШЭО, с. 43, 1629 г.];

и оттенок значения ‘безобразничать, хулиганить’:

<...> а сказавъ Устинку его воровство, велѣль его у приказных избы бить кнотомъ, чтобъ, на то смотря, неповадно было инымъ, такимъ пьянымъ, *дуровать* [Сид, с. 186, 1647 г.].

Иногда глагол выступает в более «мягком» значении — ‘нарушать установленные правила’:

<...> а будет которые крестьяне учнут *дуровать*, и ты б [приказчик] по прежнему моему [Б. И. Морозова] указу и по сей моей грамоте о том ко мне писал [Хоз. Мор., ч. 1, с. 14, 1648 г.].

И вновь появляется сема ‘нарушение морали, нравственных норм’, на этот раз — в пословице:

Баба *дурует*, а деду грехи [Сим. Послов., с. 332, XVII в.].

Сема ‘глупость’ (‘совершать глупые, безрассудные поступки’) представлена только у Аввакума:

Не тако, не тако, нехорошо, неладно. *Дуруешь*, плут! [Авв. Ж., с. 253, 1672 г.].

Четвертое значение — ‘своевольничать, самодурствовать’:

А станет Семен *дуровать*, списков не возьмет, и ему Семена бити по щекам, да положить за пазуху [АЮБ, т. 2, с. 667, 1561 г.].

Отглагольное существительное *дуровство* встречается редко, в двух значениях: 1) ‘безрассудное действие, озорство’; 2) ‘противоправное действие’, — и может употребляться в составе устойчивого сочетания *ходить за дуровством* в значении глагола *дуровать* ‘совершать противоправные действия’.

Заметим еще раз, что глагольный корень сохраняет возможность возведения к семе ‘быстро, стремительно’, представленной М. Фасмером в родственных словах: противоправное действие совершается под влиянием какой-то внешней силы, быстро, неконтролируемо.

Наконец, обратимся к существительным *дурак* и *дура*.

Лексема *дурак* — ‘неумный, глупый человек’ — встречается в большом количестве пословиц (из сборника пословиц П. Симони, XVII в.), в которых показывается место дурака в языковой картине мира Московской Руси [Сим. Послов., XVII в.]:

— во-первых, дураков было много:

Для *дураков* за море не ездят [с. 94];

— дурак — не приобретенное свойство, а врожденное:

Дураковъ ни сѣють ни жнут сами родятся [с. 93];

Дураковъ не сѣють а умных не вѣют и сами они объявляются [с. 95];

— дурак не контролирует время:

Дурак времени не знает [с. 94];

— дурак — не помощник:

С *дуракомъ* не убить бобра [с. 107];

— дурак непрактичен:

Ждетъ *дуракъ* болшова мѣста [с. 103];

— дурак не контролирует себя, потому что не может оценить свои поступки:

Дуракъ стыду не знаетъ [с. 96];

— дурак не способен к чему-либо хорошему:

Ладану бѣгаеъ дьявол а *дурак* доброва слова [с. 117];
Дуракъ любить бранится [с. 94]

Обратим внимание на две последние характеристики, в которых присутствуют выделенные нами семы 'бесконтрольность' и 'что-л. плохое'. Бесконтрольность, отсутствие представлений о последствиях находим и в сочетании *дурак безумный* (усилительное):

И ты *дуракъ безумный*, худой воеводишка! Пишешъ къ намъ, что татарове къ Сапожку приходять [АМГ, т. 1, с. 192, 1623 г.];

Умный-разумный хвастат старым батюшком, старым батюшком да старой матушкой, *Безумный дурак* хвастает молодой женой [Ист. песни, с. 304, XVI в.].

Бесконтрольность выделяется в самостоятельное значение 'что не поддается контролю разумом':

Ушами слушай, усты кушай, а очам-*дуракам* воли не давай [Сим. Послов., с. 145, XVII в.].

В картотеке СлОРЯ XVI–XVII представлено много производных от слова *дурак*: это и *дурень*, и усилительное *дурачище*, уменьшительное *дурачок*, прилагательное *дураковатый*.

В этом же (основном) значении употребляется и существительное *дура* — 'глупая женщина'. Интересно с точки зрения современных представлений устойчивое сочетание *дура деревенская*.

Обращаясь к кругу источников, в которых представлены рассмотренные лексемы, обнаружим, что слова со значением 'что-л. плохое вообще' и 'глупость' чаще встречаются в памятниках, отражающих разговорную, обыденную речь, а слова, значение которых связано с нару-

шением предписаний, законов, — преимущественно в документах делового характера, всякого рода жалобных письмах и т. п.

Значение 'глупость' приобретает большое распространение в сатире, где слово может употребляться образно:

Глухие, поспешно слушайте; нагие, веселитесь, ремением секитесь, *дурость* к вам приближается [Служба кабаку, с. 48, XVII в.].

К *дурости* примыкает и наречие *дурно* — 'громко, неприятно (кричать)':

Ин же [пьющий] чудеса и того *дурнее* вопиет: яз вас всех пьяние был [Служба кабаку, с. 55, XVII в.].

Таким образом, в обиходном языке Московской Руси словообразовательное гнездо слов с корнем *-дур-* достаточно велико и семантически интересно. Как видно из представленных материалов, наиболее близки к восстанавливаемой М. Фасмером на основе сравнения с другими индоевропейскими языками семе 'бурно, стремительно' оказываются глаголы, в которых актуализируется этот семантический признак — отсутствие контроля, воздействие чего-то неподвластного сознанию человека. Поэтому и совершается безрассудное действие, нарушающее установленные правила и нормы (поведения и морали), затем нарушающие и закон, преступные действия. В существительных же, скорее, остается либо компонент 'все плохое', либо характеристика человека: от бесконтрольности к глупости. Представленная в названии статьи поговорка *Дурак стыду не знает* [Сим. Послов., с. 96, XVII в.] отражает, как кажется, переходный момент в истории слова, связанный с разрушением семантического синкретизма: *дурак* — не просто глупый человек, но все еще отрицательно оцениваемый с нравственных позиций из-за своих безрассудных действий.

А. С. Щекин

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КОПЕНГАГЕНСКОМ РУКОПИСНОМ РАЗГОВОРНИКЕ XVII в.*

Русский разговорник, озаглавленный «Бесѣда десяти ч(е)л(овѣ)къ — имена имъ: Гарман, Анца, Мария, Д(а)в(ы)дъ, Петръ, Франца, Рихардъ,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 11-04-00423а).